

DOI <http://dx.doi.org/10.24411/2541-8947-2020-10001>

УДК 22.06 + 81

ГРНТИ 21.31.51

**ТЕОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕИЗМА И ЕГО
ТРАНСФОРМАЦИЙ КАК ФЕНОМЕНА ЯЗЫКА И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ПОЗНАНИЯ**

Алексеев Алексей Викторович

магистр права, теолог,

Россия, г. Псков

SPIN-код РИНЦ: 9614-8834

ORCID: 0000-0002-0739-9048

tender6766@gmail.com

**THEOLOGICAL AND LEGAL PARTICULARITIES OF BIBLEISM
AND ITS TRANSFORMATIONS AS A PHENOMENON OF LANGUAGE
AND THE METHODOLOGICAL PRINCIPLE OF COGNITION**

Aleksey V. Alekseev

Master of Laws, theologian

Russia, Pskov

АННОТАЦИЯ

Когнитивные (гносеологические) вопросы всё чаще находятся под пристальным вниманием исследователей и читателей. Понятийная неточность в современном языке часто становится проблемой познания и выражения своих мыслей, что отражается и на качестве коммуникаций. Автор на основе филологических, теологических, юридических и других трудов исследует в теолого-правовом измерении феномен библеизма. В итоге обнаруживаются его позитивные и негативные особенности. Возможности библеизма порой

используются для влияния на народные массы. Но при правильном отношении к данному феномену и в определенных ситуациях возможно защититься от психологических манипуляций, более этого, обогатить язык и миропонимание человека. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в правовой и религиозной сферах, при разработке программ духовной, психологической и информационной безопасности.

ABSTRACT

Cognitive (epistemological) issues are increasingly under the scrutiny of researchers and readers. Conceptual inaccuracy in a modern language often becomes a problem of cognition and expression of one's thoughts, which also affects the quality of communication. The author, on the basis of philological, theological, legal and other research, explores the phenomenon of bibleism (biblicism) in the theological and legal dimension. As a result, its positive and negative particularities are revealed. The possibilities of bibleism (biblicism) are sometimes used to influence the masses. But with the right attitude to this phenomenon and in certain situations it is possible to protect oneself from psychological manipulations, moreover, to enrich a person's language and understanding of the world. The results and materials of the study can be used in the legal and religious spheres, when developing programs of spiritual, psychological and information security.

Ключевые слова: когнитивный; библеизм; библицизм; духовная безопасность; фразеологизм; право; евангеликализм; методология; трансформация; языковой феномен.

Key words: cognitive; phenomenon; bibleism; biblicism; tongue; idiom; spiritual safety; phraseology; right; evangelicalism; methodology; transformation; language phenomenon.

Введение

Все чаще российские исследователи говорят о системном кризисе научной методологии и его влиянии на общественную жизнь. Отличительной чертой юридического языка традиционно считается следование принципу «одно слово – один смысл». В то же время отчетливо видно, что на практике этот принцип по большей мере остается неким идеалом. Проблемы мировоззрения и деструктивные процессы в современном русском языке находят благоприятную среду в юридической лексике и проявляются либо в умножении внутренних смыслов, либо в создании понятий-двойников [9]. Всё это является следствием

понятийного кризиса и, как результат, проявление общего кризиса теории познания.

Назревает необходимость исследования феноменов языка, среди которых следует выделить так называемый библеизм.

Для осуществления поставленной задачи мы изучили ряд источников, проанализировали и попытались выявить ключевые теолого-правовые характеристики библеизма.

Среди современных теологов и юристов попытки проводить специальные исследования библеизма через теолого-правовое осмысление не предпринимались. Возможно, это связано с тем, что феномены языка часто относятся к предмету филологических исследований, благодаря которым справедливо считают, что библеизм, являясь цитатой в самом широком, нестрогом смысле слова отсылает к Писанию в целом, а не к какому-либо его фрагменту, является *знаком библейского идиолекта* [11]. Идиолект [др.-греч. *ιδίος* особый, своеобразный + диалект] представляет собой совокупность особенностей, характеризующих речь индивида. В социолингвистике *идиолект* – это, во-первых, «совокупность фонетических, грамматических, лексических, стилистических особенностей речи носителя языка», во-вторых, «реализация в речи индивидуума различных вариантов языка: территориальных и социальных диалектов, гендерных» [14]. Употребление библеизмов в качестве средства аргументации в устной и письменной речи обусловлено присущей таким фразеологизмам яркой образностью, символизмом и выразительностью, их устойчивым содержанием, которое закрепилось за теми или иными фрагментами Священного Писания. Однако «при употреблении библеизмов наблюдается разница в смысловой трактовке» [12].

Поэтому библеизм заслуженно и называют феноменом языка, причины возникновения которого уходят в далекое прошлое и связаны с языковыми особенностями Библии.

На Западе в теологическом понимании библеизм нередко воспринимается и переводится как *biblicism* (библицизм) и связан с чересчур буквальным

толкованием Библии. Кроме этого, встречается и такое понятие как диспенсационализм – это теологическая концепция, в основе которой лежит представление о разделении истории человечества на периоды, в каждом из которых действует характерный для него закон Бога [15].

Теоретическую базу исследования составили труды теологов (богословов), религиозных мыслителей различных конфессий, а также исследования филологов и правоведов, в том числе, специалистов по каноническому (церковному) праву.

Результаты / обсуждение

С развитием теологической и правовой мысли, когда Библия становится авторитетным источником права для человечества, заложенные в ней образы на века входят в язык и сознание людей. В основе современных правовых систем, отдельных юридических комплексов и институтов обнаруживаются ценностно-нормативные положения, сформированные еще в глубоком прошлом человеческой цивилизации. Библия как фундаментальный источник права становится духовно-нравственной основой для государства. Библейская мысль закладывает основы развития правовой культуры и правосознания многих общественных систем, выделяет ориентиры для развития личности, общества и государств, а значит и права [13].

Христианская библия традиционно хранит ветхозаветный и новозаветный период человеческой истории, задача последнего состоит в том числе в предуготовлении человечества ко второму пришествию Спасителя.

В теолого-правовом аспекте Ветхий Завет включает себя «законоположения, содержащиеся в ветхозаветных книгах и касающиеся не только богочитания и богослужения, но и норм общественной жизни, семейных и имущественных отношений, а также политического устройства израильского общества. Эти законоположения по своей полноте и обстоятельности, по подробному регламентированию жизни народа носят характер юридических кодексов и составляют в своей совокупности целостную правовую систему» [18].

Важно отметить, в отличие от «ветхозаветного права», определение которого часто встречается в энциклопедиях, понятие «новозаветное право» употребляется в лучшем случае в контексте каких-либо исследований, а не целостной системы. Летоисчисление человечеством ведется от Рождества Христова (новозаветного периода). Ветхий (старый) период вроде как должен утрачивать своё значение. Вместо «новозаветного права» в справочной литературе дается характеристика понятий «церковное» и/или «каноническое» право. Но и здесь не так всё просто, поскольку ветхозаветные правовые нормы оказали влияние на каноническое право христианской Церкви и европейское право в его континентальном или англо-саксонском варианте. Выходит, что именно иудейское талмудическое право оказало влияние на правовые системы, в том числе христианских народов.

Что касается связи церковного (канонического) права с ветхозаветным правом, то она проявляется в том, что в канонах часто встречаются ссылки на ветхозаветные тексты. Конечно, существует принципиальный подход к предписаниям ветхозаветного законодательства в Церкви: ветхозаветные нормы юридического содержания не являются в Церкви нормами прямого действия, но сохраняют свою силу настолько, насколько Церковь сама сообщила им эту силу, руководствуясь принципом, выраженным в постановлении Апостольского Собора. Так в связи с тем, что далеко не все юридические нормы Ветхого Завета признаются действующими в Церкви, периодически встает вопрос о принадлежности этих норм к области Божественного права даже в самой Церкви.

В результате мы снова оказываемся в объятиях или тисках библейского миропонимания, корень которого вероятно кроется в феномене библеизма.

Религиозный философ Булгаков С.Н. считает, что Слово Божие может рассматриваться как единственный или первенствующий источник вероучения, а библеизм, по его мнению, есть важнейшее проявление церковности в протестантизме. Христианство, полагает мыслитель, становится, при этом, вместо религии духа и жизни, религией книги, новозаветным книжничеством.

«Библейская ортодоксия, развившаяся в некоторых отраслях протестантизма, а также и в сектантстве, иссушает христианство, превращая его в законничество» [2].

Известный мыслитель Лосский В.Н. отмечает опасность излишней интеллектуализацией откровения, когда утрачивалось библейское чувство конкретного и «экзистенциальный» характер встречи с Богом. Данная проблема берёт своё начало с эпохи схоластики и развивается вплоть до ученых XIX столетия. Однако «в нашу эпоху соответствует опасность противоположная: опасность некоего искусственно построенного «библеизма», который пытается противопоставить традицию Израиля «философии греков» и преобразовать их теорию в чисто семитских категориях» [4].

Получается, что мысль и неразрывно связанный с ней язык не только не должны терять духовной интуиции, но и избегать использования только ветхозаветных правовых категорий.

В тоже время познавать плодотворно Божественное право можно, когда библеизм становится *методологическим принципом познания*, т.е. живого отношения к Священному Писанию, совершенно иссякающему в нашем обществе. Протопресвитер Александр Шмеман заключает, что библеизм не есть протестантство, как это часто утверждают, и ссылаясь на Оригена, пишет о том, что есть два способа «причащения» Христу: через Слово Его и через Таинства [19].

Какую теолого-правовую роль феномен библеизма сыграл в истории западного общества?

Просвещенный Абсолютизм и секуляризация сознания вносят определенные перемены в изучение Священного Писания, в человеке начинает преобладать рациональный подход.

Не секрет, что современное юридическое (в том числе и научное) познание отличается исключительно рациональным подходом в отличии от интуитивных форм религиозно-философской методологии. Когда встает вопрос поиска истинного смысла законодателя, то такое толкование посредством логики

одного закона напоминает толкование Библии первыми протестантскими теологами: они ничего не толковали, кроме Священного писания, и все обосновывали только Священным писанием. Сам Лютер подчеркивал этот параллелизм: «Позор, если юрист говорит без оглядки на библейский текст. Еще более позорно, когда теолог так говорит» [5]. Однако так развивается библицизм - старопротестантская неосхоластика. Сперва (Катехизис) наряду с писанием, традиция, затем - религиозное сознание.

Рассмотрение «библицизма» как видоизмененного «библеизма» позволяет понять часто встречающуюся искусственность данного феномена - человеческий фактор.

Теологический словарь Элвелла Уолтера сообщает, что люди, склонные к библицизму, обычно делают акцент на отдельных словах, отвергают всякий историко-критический метод и зачастую прибегают к свободно ассоциативному толкованию или вырывают стихи из контекста для доказательства каких-либо идей.

В западном мире наиболее заметно такие процессы наблюдаются в XVIII - XIX веках в протестантских общинах Великобритании и Северной Америки, когда шли процессы «обновлений», вызванные убежденностью верующих в том, что вероучение превратилось в «мертвую догматику» и много внимания уделяется литургическим моментам. В противостоянии распространению рационализма, деизма и атеизма, порожденных эпохой Просвещения, в контексте евангеликализма английский исследователь Д. Беббингтон выделил одну из его черт как *biblicism*. Библия здесь является единственным источником Откровения Божия, а библейские пророчества трактуются в соответствии с положениями диспенсационализма [17]. Ч. Райри, апологет и систематизатор диспенсационализма, в 1965 году выделил три формальных признака диспенсационалистского мировоззрения: различие и противопоставление Израиля и видимой Церкви; способ толкования Библии, обычно называемый буквальным (*literal*); большую сосредоточенность на славе Божией, нежели на спасении людей. Отдельные положения диспенсационализма

проникают в мировоззрение разных христиан (но прежде всего баптистов, адвентистов, пятидесятников) и атеистов [15].

В данном случае мы встречаемся с примером релятивизации текстуального понимания Писания. Поэтому в противовес тенденциям нео-протестантского «библицизма» выступает Предание Церкви. Ведь для православного (восточно-христианского) мировоззрения Евангелие (которое входит в состав Библии) – это не просто книга. Греческое слово «евангелион» означает благовестие, то есть благовестие о спасении.

Так, библеизмы могут приобретать положительное значение только в контексте Священного Предания, а не только Библии. Священное Предание – это передача жизни и опыта Церкви, вдохновляемой и ведомой Святым Духом. В состав Священного Предания входят: Священное Писание, определения Вселенских Соборов, литургическое предание, творения святых отцов и учителей Церкви, жития святых и пр. Священное Предание есть действие в Церкви Божественной благодати. Предание познается только в опыте духовной жизни [16].

В противном случае библеизм, трансформированный в библицизм, способствует атомистическому подходу к Писанию. Так слова вырываются из контекста, а «время и обстоятельства, предающие какому-либо тексту определенную окраску, не принимаются во внимание. Без всяких колебаний ставится знак равенства между поступком в прежнюю эпоху и в настоящее время. В результате Библия превращается в книгу, полную всевозможных примеров, которой пользуются, исходя из принципа: как они поступали в те времена, так и мы должны поступать сегодня [3].

Библицизм, особенно тот, что был свойствен творцам Реформации, следует за Лютером, который боролся против римского католицизма, с его подсчетом грехов и добродетелей, объективирующими и обезличивающими элементами. Лютер отстаивал непосредственные, чисто личностные отношения между человеком и Богом» [7]. В итоге, библицизм как феномен языка с его-теолого-правовым потенциалом способен противостоять даже католической мысли. Что

касается персонализма в православной философии, то здесь личные отношения человека с Богом имеют важное значение, но вне Православной Церкви такой подход может не встретить понимания в соответствующей традиции.

Г. Лофинк оказался прав, успешно показав, что толкование библейских текстов посредством библицизма невозможно [6]. Индивид (в учениях Оккама, Виклифа, Гуса, Лютера) стал важнейшим авторитетом Церкви. Библицизм Оккамы произвел революцию в теологии и подорвал церковную науку, которую сам же Оккама вызвался защищать. Философия Оккамы знаменовала собой начало окончательной победы мирского, светского духа в европейской культуре [10].

Если обратить внимание на лингвистический феномен в современной политико-правовой жизни, то в ходе анализа политических текстов с таким библеизмом как «камень преткновения» филологи приходят к выводу о том, что здесь происходит десакрализация значения устойчивого сочетания. «Стилистическая окраска, экспрессивность, метафоричность и полисемантность библеизма «камень преткновения», обусловленные трансформацией структуры прецедентной конструкции, являются мощным средством влияния на политическую картину мира и дают возможность формировать в сознании носителя языка необходимое отношение к политической жизни государства и общества» [8].

В итоге, искусственно внедрённый библеизм используется в целях манипуляции правосознанием граждан. Такие библеизмы легко изымаются из контекста, они афористичны, обладают смысловой законченностью. В выступлениях российского президента библеизм встречается более 50 раз и появляется в качестве давно деэтимологизированных крылатых слов как отступление от официального тона. Можно предположить, что деэтимологизированный характер библеизмов связан с тем, что библейская традиция в России была прервана и некоторые из них остались в обиходе как деэтимологизированные пословицы, «крылатые слова» и народная мудрость без указания на источник [8].

Заключение

Таким образом, в связи с кризисными процессами когнитивного характера, которые отражаются на богопознании, правопонимании и языкознании, результаты исследований феномена библеизма могут стать весьма значимыми для современной науки и общества.

Перечислим теолого-правовые особенности библеизма, которые могут обратить на себя внимание читателя:

1. В контексте библейского миропонимания наиболее ярко проявляется органическая связь онтологии с антропологией. Библеизм с филологической точки зрения часто определяется как библейский фразеологизм, относится к знакам библейского идиолекта и связан с цитированием Библии.
2. Библеизм как феномен наиболее заметен в ветхозаветном и церковном (каноническом) правоведении, а также в политических текстах и выступлениях политических лидеров. Использование библеизма в политико-правовой действительности и религиозной жизни как средства манипуляции способствует повреждению правосознания граждан. Церковь может защищать своих членов от подобных пагубных методов управления, для этого у неё есть соответствующие принципы и механизмы. Библеизм способен противостоять католической мысли, отсюда и его развитие в неопротестантизме и даже в атеизме.
3. Библеизм как методологический принцип познания делает возможным проводить демаркацию между процессами познания Божественного, церковного и государственного права. При определённых условиях библеизм обогащает язык и помогает лучше понять, объяснить многие правовые явления. Однако следует учитывать, что иудейское талмудическое право фундаментально повлияло на правовые системы мира именно через ветхозаветные правовые нормы, которые могут содержаться в том числе и в библеизмах.

4. Искусственный созданный библеизм приобретает и иные формы. Трансформация в библицизм развивает чересчур буквальное толкование норм права и Священного Писания (Библии), что влечет за собой исключительно рациональное и схоластическое осмысление библейских и юридических событий.
5. В православной традиции библеизм может приобретать положительное значение в контексте Священного Предания, а не только одной Библии.

Список литературы

1. Библия. – М.: Российское Библейское общество, 2008. – 928 с.
2. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви / С. Н. Булгаков. - Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 31.
3. Даума Йохем. Введение в христианскую этику / Йохем Даума (пер. с нидерл. А.В. Двухжилова). СПб. : Мирт, 2001. С. 32-33.
4. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / М.: Центр «СЭИ». 1991. С. 203.
5. Радбрух Г. Философия права / Густав Радбрух. пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М.: Междунар. Отношения. 2004. С. 132.
6. Ратцингер Йозеф. Между смертью и воскресением. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: <http://www.bogoslov.ru/text/4048977/index.html>. Дата обращения 20.16.2020.
7. Тиллих Пауль. Мужество быть: пер. с английского. М.: Модерн. 2011. С. 99-131.
8. Боллигер Е.И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур: дис. ... канд. фил. наук. Тверь. 2005. С. 110-112.
9. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. 2013. №10. С. 208.

10. Гинтаутас М. Полотна средневековых визий (история философии Л.П.Карсавина) // SILENTIUM. 1996. № 3. С.287.
11. Кузьмина М. К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. : дис. ... канд. фил. наук. М., 2015. С. 225.
12. Реунова Е.В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках. : дис. ... канд. фил. наук. М. 2015. С. 14.
13. Фоминская М.Д. Библейская правовая мысль и история современного права // Российский журнал правовых исследований. 2017. - № 1 (10). С. 229-236.
14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. С.115.
15. Исаев С. А. Диспенсационализм // Православная энциклопедия. Т. XV. М.: Православная энциклопедия. 2004. С. 401-402.
16. Предание Священное. Азбука веры. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: <https://azbyka.ru/predanie-svyashhennoe>. Дата обращения 20.06.2020.
17. Сперанская Е. С. Евангелики // Православная энциклопедия. Т. XVI. М.: Православная энциклопедия. 2004. С. 694-697.
18. Цыпин В. Ветхозаветное право // Православная энциклопедия. Т. VIII. М.: Православная энциклопедия. 2004. С. 66-73.
19. Шмеман А. прот. Собрание статей. 1947-1983 // Сост. Е.Ю. Дорман. Введение в богословие. Курс лекций по догматическому богословию. М.: Русский путь, 2009. С. 159.